

Научная статья / Research Article

УДК 930

DOI: 10.36718/2500-1825-2022-1-154-163

Роман Сергеевич Есин

Красноярский государственный аграрный университет, Красноярск, Россия, silvarium@mail.ru

**ОТНОШЕНИЕ КРЕСТЬЯНСТВА К СТАЛИНСКОЙ
КОЛЛЕКТИВИЗАЦИИ В НАЧАЛЕ 1930 г. НА ТЕРРИТОРИИ
РАЙОНОВ СОВРЕМЕННОГО КРАСНОЯРСКОГО КРАЯ**

Актуальность темы строительства колхозов в СССР обусловлена интересом к ней как со стороны научного сообщества (за 2021 год вышло свыше 100 публикаций по теме коллективизации и раскулачивания, размещенных в «Elibrary»), так и со стороны российского общества (что подтверждают многотысячные просмотры на «Youtube» видео различных блогеров по данной тематике). В конце 1929 – начале 1930 г. руководство СССР начинает форсированную коллективизацию, что принципиально изменило жизнь в советской деревне. Политика «ликвидации кулачества как класса» дала большие полномочия власти на местах. Основным методом стимулирования колхозного строительства стало раскулачивание. Отдельного внимания заслуживает рассмотрение проведения раскулачивания и коллективизации в Сибири, отдельных ее округах и районах, где находился довольно многочисленный слой крупных предпринимательских крестьянских хозяйств. В статье впервые подробно рассматривается отношение к сталинской коллективизации со стороны бедняков, середняков и кулаков, проживавших на территории районов современного Красноярского края в январе – марте 1930 г., то есть во время первой кампании по раскулачиванию (конфискация имущества, выселение крестьян и т.д.) и формированию коллективных хозяйств. В заключение делается вывод о негативном отношении основной массы всех слоев деревни к проводимой советским руководством политике форсированной коллективизации и «ликвидации кулачества как класса» по причине «перегибов на местах», а также о том, что необходимость организации хозяйства в колхозах стала причиной начавшегося массового выхода из них крестьян.

© Есин Р.С., 2022

Социально-экономический и гуманитарный журнал Красноярского ГАУ. 2022. № 1. С. 154–163.
Socio-economic and humanitarian journal of Krasnoyarsk SAU. 2022;(1):154–163.

Ключевые слова: коллективизация, раскулачивание, крестьянство, Красноярский край

Для цитирования: Есин Р.С. Отношение крестьянства к сталинской коллективизации в начале 1930 г. на территории районов современного Красноярского края // Социально-экономический и гуманитарный журнал Красноярского ГАУ. 2022. № 1. С. 154–163. DOI: 10.36718/2500-1825-2022-1-154-163.

Roman Sergeevich Esin

Krasnoyarsk State Agrarian University, Krasnoyarsk, Russia,
silvarium@mail.ru

PEASANTRY ATTITUDE TO STALIN'S COLLECTIVIZATION IN THE EARLY 1930 ON THE MODERN KRASNOYARSK REGION TERRITORY

The relevance of the topic of building collective farms in the USSR is due to the interest in it both from the scientific community (over 100 publications on the topic of collectivization and dispossession, posted in Elibrary in 2021), and from the Russian society (which is confirmed by thousands of views on Youtube videos of various bloggers on this topic). In late 1929 – early 1930, the leadership of the USSR began forced collectivization, which fundamentally changed life in the Soviet countryside. The policy of "liquidating the kulaks as a class" gave great powers to local authorities. Dispossession became the main method of stimulating collective farm construction. Special attention deserves consideration of the conduct of dispossession and collectivization in Siberia, its individual districts and regions, where there was a rather numerous layer of large entrepreneurial peasant farms. The paper for the first time examines in detail the attitudes towards Stalin's collectivization on the part of the poor, middle peasants and kulaks who lived in the areas of the modern Krasnoyarsk Region in January – March 1930, that is, during the first dispossession campaign (confiscation of property, eviction of peasants, etc.) and the formation of collective farms. In conclusion, the finding is drawn about the negative attitude of the bulk of all sections of the village towards the policy of forced collectivization and the "liquidation of the kulaks as a class" pursued by the Soviet leadership, due to "excesses on the ground", as well as the conclusion that the need to organize the economy on collective farms became the reason for the outbreak mass exodus of peasants from them.

Keywords: *collectivization, dispossession, peasantry, Krasnoyarsk Region*

For citation: *Esin R.S. The attitude of the peasantry to the Stalinist collectivization at the beginning of 1930 on the territory of the regions of the modern Krasnoyarsk Territory // Socio-economic and humanitarian journal of the Krasnoyarsk State Agrarian University. 2022. No. 1. P. 154–163. DOI: 10.36718/2500-1825-2022-1-154-163.*

Введение. Тема форсированной коллективизации изучается в исторической науке не один десяток лет. Вопрос об отношении крестьянства к политике колхозного строительства и «ликвидации кулачества как класса» в начале 1930 г. отчасти рассматривался в исследованиях общесоюзного масштаба [1, 2, 3]. Также этот вопрос частично рассматривался в работах сибирских и красноярских историков [4, 5, 6, 7, 8]. Однако специальное исследование отношения крестьянства к коллективизации в начале 1930 г. на территории районов современного Красноярского края не проводилось.

Цель исследований. Выявление отношения населения деревни к коллективизации на территории современного Красноярского края в январе – марте 1930 г.

Результаты и их обсуждение. Развертывание во второй половине 1920-х годов индустриализации страны потребовало перераспределения рабочей силы из сельского хозяйства в промышленность с одновременным увеличением производства продуктов питания и технических культур.

Первая попытка индустриализации догоняющего типа в Российской империи была принята на рубеже XIX – XX вв. по инициативе министра финансов С.Ю. Витте. Но вопрос обеспечения промышленности рабочей силой, растущего городского населения продовольствием решался в ходе Столыпинской аграрной реформы через разрушение общины, разорение общинников, переведенных государством в категорию землевладельцев, создание российского фермерства.

После завершения восстановительного периода руководство СССР начало проведение индустриализации, в ходе которой ставились задачи не только вхождения в число промышленно развитых стран, но и создания новой модели социалистического развития. Сложность проблемы «изъятия» трудоспособного населения из сельского хозяйства заключалась в том, что крестьяне европейской части страны, в том числе потерявшие землю в период проведения Столыпинской реформы, методом «черного передела» наделили себя землей и вернулись к общинной

форме организации жизни. Таким образом, Россия откатилась от достигнутых результатов модернизации страны в сторону возобновления традиционного аграрного общества.

Поэтому после продовольственного кризиса 1927–1928 гг. государство сделало ставку на решение проблем индустриализации за счет развития производственной кооперации и создания колхозов.

7 ноября 1929 г. в газете «Правда» была опубликована статья И.В. Сталина «Год великого перелома» с обоснованием курса на коллективизацию сельского хозяйства и ликвидацию кулачества как класса [9]. В конце декабря 1929 г. этот курс был провозглашен официально на конференции аграрников-марксистов [9, с. 169]. После этого были приняты директивные установки и планы по раскулачиванию [10, с. 163–165; 18, с. 39]. Руководство страны и Сибирского края, его округов в конце 1929 г. стали призывать к проведению раскулачивания [4, с. 50] через газеты, выступления руководителей различного уровня на собраниях коммунистов, комсомольцев, жителей деревни [12].

В дальнейшем были приняты постановления руководства СССР, в которых ставились задачи по проведению форсированной коллективизации, определяющие политику раскулачивания [10, с. 85].

В январе 1930 г. часть крестьян, имевших опыт коллективного хозяйствования, с пониманием отнеслась к провозглашенному ЦК ВКП (б) курсу на форсированную коллективизацию. Безусловно, на отношении крестьян к коллективным объединениям сказывались традиции взаимопомощи, сложившиеся в Сибири.

В частности, в 1920 г. в Енисейской губернии было создано 30 коммун, 20 артелей и 19 других типов коллективных хозяйств. В 1921 г. в губернии уже насчитывалось 98 коллективных объединений. В 1922 г. их число, в силу определенных обстоятельств, сократилось до 47, но в 1923 г. оно вновь увеличилось до 81. То есть в указанные годы коллективные хозяйства были немногочисленны, организационно неустойчивы, но прослеживалась тенденция к их количественному росту [7, с. 116].

В губернии было высоким количество крестьян, охваченных разными формами простейшей производственной кооперации и другими видами непромышленной кооперации. По данным на 1 октября 1927 г., в систему сельскохозяйственной кооперации было вовлечено 40,4 %, а кредитными товариществами было охвачено 35,4 % всех хозяйств Красноярского округа [11, с. 249–250].

Формой крестьянского взаимодействия и помощи была также суряга (объединение инвентарем, скотом, рабочей силой и т.д.). Исследователь И.С. Кузнецов, проанализировав 10 % крестьянских хозяйств на территории Сибири, пришел к выводу, что из них 15,3 % объединяли свой скот и инвентарь [8].

Практиковалось привлечение городской и сельской молодежи к оказанию помощи кооперированным крестьянам. В частности, летом

1929 г. был проведен общесибирский воскресник по распашке ранних паров. В рамках этого мероприятия в Ачинском округе участвовало и 1600 комсомольцев, а в Канском – до 1336. В результате проведенных работ в 5 округах, созданных на территории бывшей Енисейской губернии, было вспахано 256 тыс. га [7, с. 117].

Все эти факты и обстоятельства говорят о том, что енисейское крестьянство в конце 1929 г. в основной массе хорошо или нейтрально относилось к коллективным формам хозяйствования. Но форсированная коллективизация имела свои особенности, что привело к дифференциации взглядов крестьянства на ее проведение.

Документы свидетельствуют, что в январе 1930 г. беднота поддерживала процесс коллективизации. При вступлении в колхоз она практически ничего не теряла и рассчитывала улучшить свою жизнь за счет общего колхозного хозяйства [12, с. 237].

Середняки, проживавшие в Ачинском, Канском и Красноярском округах, относились к объединению хозяйств либо нейтрально, либо положительно, а наиболее зажиточная их часть была обеспокоена судьбой своего единоличного хозяйства [12, с. 226].

Кулаки, или богатая часть деревни, относились к коллективизации негативно, так как они при вступлении в колхоз теряли свое индивидуальное хозяйство, возможность строить собственную траекторию семейного благополучия [12, с. 228]. То есть бедняки и середняки, как наиболее многочисленная часть крестьянства, с опаской, но в основном положительно относились к коллективизации. Но и среди основной массы были исключения.

Так, 26 декабря 1929 г. в с. Татьянавка Канского округа за срыв собрания по коллективизации были арестованы 4 бедняка и 3 середняка [12, с. 219]. После начала раскулачивания в январе 1930 г. даже среди бедноты стало проявляться негативное отношение к коллективизации. В директиве от 8 января 1930 г. руководство Сибирского края сообщало, что имели место «кулацкая агитация» и выступления «подкулачников» в Уярском районе [13, л. 30–32]. 14 января 1930 г. в селе Бородино Рыбинского района Канского округа за выступление на собрании против коллективизации были арестованы 2 крестьянки-беднячки и 1 середнячка [12, с. 219]. Нужно признать, что в начале января 1930 г. на территории районов современного Красноярского края это были редкие случаи противодействия коллективизации.

Ситуация начала меняется в феврале 1930 г., когда выросло число «перегибов на местах». По сводкам о положении дел на местах выявляется рост негативного отношения крестьян к коллективизации. Так, в сводке на 7 февраля 1930 г. о ходе посевной кампании в Красноярском округе сообщалось о преобладании положительного отношения крестьян большинства районов к коллективизации. Но уже 20 февраля в свод-

ке говорилось о «перегибах на местах» и нежелании крестьян вступать в колхозы [14, л. 2–9].

Перегибы при раскулачивании на территории районов современного Красноярского края в феврале 1930 г. отмечены и в спецсводке № 2 по Сибирскому краю «О проведении экспроприации кулачества и ходе коллективизации». В ней указывалось на случаи полной конфискации имущества раскулаченных крестьян [12, с. 215] и передаче конфискованного имущества бедноте [12, с. 216]. Такой политикой были довольны только участвующие в конфискации имущества бедняки, батраки и часть середнячества, принимавшие активное участие в раскулачивании [12, с. 237].

Но масштабы крестьянского недовольства не повлияли на развитие колхозного строительства. В частности, на 1 марта 1930 г. по Сибирскому краю в колхозы вступило 48,8 % хозяйств [15, л. 45].

Очевидно, что значительная часть крестьян вступали в колхоз из страха быть раскулаченными. Спецсводка № 2 по Сибирскому краю «О проведении экспроприации кулачества» указывала на рост недовольства середняков, столкнувшихся с утратой своего хозяйства при неясных перспективах развития колхозного хозяйства [12, с. 226–229]. Иногда дело доходило до рукоприкладства с их стороны [12, с. 230], поджогов [12, с. 231], появления листовок с угрозами убийства партийных активистов [12, с. 232]. В феврале 1930 г. все чаще стала звучать критика коллективизации со стороны бедноты, которая утратила возможность подработок у состоятельных сельчан, но еще не получила никакой реальной поддержки от колхозов [12, с. 224].

Некоторые раскулаченные крестьяне стали создавать вооруженные группы для противодействия коллективизации. Группа «Пильщикова – Озерных» из двадцати человек в Ачинском округе создала свой «укрепрайон» с блиндажами в пересеченной гористой местности. Направленный против них отряд из Ачинска потерял в боях 12 убитых и 10 раненых, потери восставших в документах не приведены [12, с. 233].

В марте 1930 г. раскулачивание набирает большие обороты. С расширением репрессивных мер росло негативное отношение крестьян к коллективизации и политике раскулачивания [16, л. 55]. Документы начала 1930 г. отразили такие формы противодействия коллективизации, как агитация, запугивание активистов, уничтожение, порча и обмен своего имущества перед вступлением в колхоз, утайка скота и семенного зерна, нападение на милиционеров, заявления некоторых крестьян о том, что повесятся из-за вступления в колхоз, уход крестьян в неизвестном для властей направлении, уклонение от зачисления в число колхозников [17, с. 45].

Как условие проведения коллективизации и нейтрализации сопротивления крестьян, в марте 1930 г. резко увеличилось количество «перегибов на местах» [12, с. 240]. Перегибы были обусловлены ответственно-

стью местных партийных и советских органов за выполнение предписаний по темпам и формам проведения коллективизации в условиях растущего сопротивления кулачества и его деструктивного воздействия на средняцкую массу деревни.

Руководство СССР, конечно, предполагало, что часть крестьянства будет оказывать активное сопротивление политике «ликвидации кулачества как класса» [19]. Однако такого злоупотребления властью на местах и отпора ему со стороны крестьянства оно не ожидало.

В течение февраля 1930 г., когда стал понятен масштаб сопротивления и недовольства крестьян, власти всех уровней пытались исправить ситуацию, рассылая различные директивы и напоминания о том, что категорически запрещается раскулачивать бедноту, батраков, середняков, бывших партизан, другие категории населения [20, с. 353–369], отменяли решения о неправильном раскулачивании [12, с. 240], наказывали руководство на местах [12, с. 242]. Но предпринятых мер было недостаточно. Негативное отношение к коллективизации уже было сформировано у подавляющего числа жителей советской деревни [17, с. 45; 10, с. 178].

После публикации 2 марта 1930 г. статьи И.В. Сталина «Головокружение от успехов», где вина за нарушения и перегибы в проведении ускоренной коллективизации была возложена на руководителей на местах [9, с. 192], раскулачивание было приостановлено. Недовольным крестьянам разрешалось выходить из колхозов. Так, с 1 по 20 марта 1930 г. из колхозов в Красноярском округе выбыли 1956 хозяйств, в Канском – 752, Ачинском – 323 хозяйства. Данные факты подтверждают тезис о формировании негативного отношения крестьян к коллективизации в начале 1930 г. [15, л. 48]. К концу мая 1930 г. в восточных округах Сибирского края (в том числе на территории современного Красноярского края) уровень коллективизации достиг 17 %, хотя еще в начале марта составлял 48 % [21, с. 84].

Заключение. Таким образом, можно заключить, что в начале 1930 г. в результате политики раскулачивания изначально положительное и нейтральное отношение к коллективизации у большинства населения деревни изменилось на отрицательное отношение. Отторжение у всех слоев деревни в основной массе было вызвано «перегибами» при проведении раскулачивания. Кроме этого, бедняки, имевшие иждивенческие ожидания, поняли, что предстоит большая и долгая работа по созданию эффективного колхозного производства. Поэтому в период приостановки колхозного движения многие из них выходили из колхозов в поиске любой работы ради содержания своих семей. Средняки, поначалу относившиеся к коллективизации либо положительно, либо пассивно, по тем же причинам, что и беднота, стали относиться к изменениям жизни на селе негативно. Устойчивое отрицательное отношение к коллективизации было только у самой богатой части деревни. Таким образом, у государства оставалась возможность перезапустить болезненный

процесс коллективизации, без которого были невозможны ни догоняющая, ни социалистическая индустриализация. Как показало время, переход России на новый уровень модернизации в период проведения Столыпинской реформы, сталинской индустриализации и коллективизации, а также современный переход к рыночным отношениям, инициируется органами власти и управления, но всегда сопровождается сменой образа жизни и является болезненным для всех слоев населения.

Список источников

1. *Ивницкий Н.А.* Судьба раскулаченных в СССР. Москва, 2004. 296 с.
2. *Земсков В.Н.* Судьба «кулацкой ссылки» (1930–1954 гг.) // Отечественная история. 1994. № 1. 118–147.
3. *Земсков В.Н.* Спецпоселенцы в СССР. 1930–1960. Москва, 2003. 306 с.
4. *Папков С.А.* Сталинский террор в Сибири 1928–1941. Новосибирск, 1997.
5. *Красильников С.А.* Серп и молот. Крестьянская ссылка в Западной Сибири в 1930-е гг. Москва, 2003.
6. *Корсакова О.В.* Крестьяне-спецпереселенцы в Сибири в 1930-е гг. (на материалах Красноярского края): дис. ... канд. ист. наук. Красноярск, 2001.
7. *Вострова С.Н.* Изменения в социальной психологии крестьян Восточной Сибири в период сплошной коллективизации: дис. ... канд. ист. наук. Красноярск, 2005.
8. *Кузнецов И.С.* Социальная психология сибирского крестьянства в 1920-е гг.: учеб. пособие. Новосибирск, 1992.
9. *Сталин И.В.* Сочинения. Москва, 1949. Т. 12.
10. Трагедия советской деревни. Коллективизация и раскулачивание / отв. ред. *Н.А. Ивницкий*. Москва, 2000. Т. 2.
11. Агропромышленный комплекс Красноярского края (1920–1970-е годы). Документы и материалы / сост. *М.Д. Саверьянов*. Красноярск, 1991.
12. Коллективизация сибирской деревни. Январь-май 1930 г. / отв. ред. *В.А. Ильиных, О.К. Кавцевич*. Новосибирск, 2009.
13. Государственный архив Красноярского края (ГАКК). Ф.Р. 55. Оп. 2. Д. 15.
14. ГАКК. Ф.р-10. Оп. 1. Д. 714.
15. ГАКК. Ф.Р. 96. Оп. 1. Д. 817.
16. ГАКК. Ф.П.-46. Оп. 1. Д. 10.
17. *Есин Р.С.* Раскулачивание и коллективизация на территории современного Красноярского края: от «коренного перелома» до исправления «перегибов на местах» // Известия Алтайского государственного университета. 2020. № 3. С. 43–46.

18. Спецпереселенцы в Западной Сибири. 1930 – весна 1931 г.: сб. / отв. ред. *В.И. Данилов, С.А. Красильников*. Новосибирск, 1992.
19. *Тархова Н.С.* Красная армия и сталинская коллективизация. Москва, 2010. 375 с.
20. Документы свидетельствуют. Из истории деревни накануне и в ходе коллективизации 1927–1932 гг. /под ред. *В.П. Данилова Н.А. Ивницкого*. Москва, 1989.
21. *Ильиных В.А.* Сельское хозяйство Восточной Сибири в период коллективизации: динамика, организационно-производственная структура // Иркутский историко-экономический ежегодник. Иркутск, 2014.

References

1. *Ivnitskii N.A.* Sud'ba raskulachennykh v SSSR. Moskva, 2004. 296 s.
2. *Zemskov V.N.* Sud'ba «kulatskoi ssylki» (1930–1954 gg.) // *Otechestvennaya istoriya*. 1994. № 1.
3. *Zemskov V.N.* Spetsposelentsy v SSSR. 1930–1960. Moskva, 2003. 306 s.
4. *Papkov S.A.* Stalinskii terror v Sibiri 1928–1941. Novosibirsk, 1997.
5. *Krasil'nikov S.A.* Serp i molokh. Krest'yanskaya ssylka v Zapadnoi Sibiri v 1930-e gg. Moskva, 2003.
6. *Korsakova O.V.* Krest'yane-spetspereselentsy v Sibiri v 1930-e gg. (na materialakh Krasnoyarskogo kraja): dis. ... kand. ist. nauk. Krasnoyarsk, 2001.
7. *Vostrova S.N.* Izmeneniya v sotsial'noi psikhologii krest'yan Vostochnoi Sibiri v period sploshnoi kollektivizatsii: dis. ... kand. ist. nauk. Krasnoyarsk, 2005.
8. *Kuznetsov I.S.* Sotsial'naya psikhologiya sibirskogo krest'yanstva v 1920-e gg.: ucheb. posobie. Novosibirsk, 1992.
9. *Stalin I.V.* Sochineniya. Moskva, 1949. T. 12.
10. Tragediya sovetskoj derevni. Kollektivizatsiyai raskulachivanie / отв. red. *N.A. Ivnitskii*. Moskva, 2000. T. 2.
11. Agropromyshlenni kompleks Krasnoyarskogo kraja (1920–1970-e gody). Dokumenty i materialy / sost. *M.D. Saver'yanov*. Krasnoyarsk, 1991.
12. Kollektivizatsiya Sibirskoi derevni. Yanvar'-mai 1930 g. / отв. red. *V.A. Il'inykh, O.K. Kavtsevich*. Novosibirsk, 2009.
13. Gosudarstvennyi arkhiv Krasnoyarskogo kraja(GAKK). F.R. 55. Op. 2. D. 15.
14. GAKK. F.r-10. Op. 1. D. 714.
15. GAKK. F.R. 96. Op. 1. D. 817.
16. GAKK. F.P.-46. Op. 1. D. 10.
17. *Esin R.S.* Raskulachivanie i kollektivizatsiya na territorii sovremennogo Krasnoyarskogo kraja: ot «korenno pereloma» do ispravleniya «peregibov na mestaKH» // *Izvestiya Altaiskogo gosudarstvennogo universiteta*. 2020. № 3. S. 43–46.

18. Spetspereselentsy v Zapadnoi Sibiri. 1930 – vesna 1931 g.: sb. / otv. red. *V.I. Danilova, S.A. Krasil'nikova*. Novosibirsk, 1992.
19. *Tarkhova N.S.* Krasnaya armiya i stalinskaya kollektivizatsiya. Moskva, 2010. 375 s.
20. Dokumenty svidetel'stvuyut. Iz istorii derevni nakanune i v khode kollektivizatsii 1927–1932 gg. /pod red. *V.P. Danilova, N.A. Ivitskii*. Moskva, 1989.
21. *Il'inykh V.A.* Sel'skoe khozyaistvo Vostochnoi Sibiri v period kollektivizatsii: dinamika, organizatsionno-proizvodstvennaya struktura // *Irkutskii istoriko-ehkonomicheskii ezhegodnik*. Irkutsk, 2014.

Статья принята к публикации 20.01.2022 /
The article has been accepted for publication 20.01.2022

Информация об авторе:

Роман Сергеевич Есин, аспирант кафедры истории и политологии

Information about the author:

Roman Sergeevich Esin, Postgraduate Student, Department of History and Political Science

